

Ефим Ярошевский

«Из прочно забытых рукописей»

Стенограмма одного происшествия (одесский эпос)

Авария

Действующим лицам с любовью.
Автор

Утром *оно* двинулось на город. Оно легко пролезло сквозь горячие пальцы города, минуя канализационные трубы – идеально отлаженные пути, – и выступило из щелей и решеток, плохо заделанных пазов и люков наружу. Солнце еще не встало, зловоние было легким, терпимым, почти нежным. Так пахивают отливы после ночи, отдавая квартирам запах слитой за ночь мочи. Так разят старенькие забытые помойки, тихо срыгивая зловоние, тут же уносимое ветром в сторону – в степь.

Никто ничего не понял. Дворничихи истово мели тротуары, готовые принять пешеходов. Через час город пойдет на работу.

В 7 утра началось... Дерьмо показалось на нашем квартале. Не обращая на него внимания, отрывивая булькающие жидкой похлебкой люки, школьники неслись в школу. Только один мальчик, задумавшись, с большим интересом смотрел в люк, вспоминая неприличное сновидение, долго ковырял в носу, потом спохватился и пошел в класс.

В 8 утра зазвонили телефоны спасательных служб. В 9 утра была объявлена тревога. Дерьмо хлынуло на прекрасные одесские улицы и, оплывая почтамты и банки, двинулось в поход на окраины.

– Опять где-то лопнула труба, – задумчиво молвила соседка.
– Странное утро сегодня, – сказала вслух Соня Дерижабль, самая интеллигентная дама двора.

– Суля пришел с работы весь мокрый. Он куда-то упал.
– Ваше белье сегодня странно пахнет, – сказала мадам Цеппельштейн.

Дора Хромая и дворничиха Клава долго совещались.

– Вся Госпитальная в говне. Что это значит?

– Надо узнать! Вы звонили по телефону? Надо позвонить по телефону, звоните в службу быта и газа.

– Поздно. Поздно звонить. Вам же сказали – вся Госпитальная в этом... в говне.

– Действительно. Просто дышать невозможно. Вот это номер!

– Давайте закроем ворота. Вы знаете, в уборную уже нельзя зайти: там все буквально поднялось... Мама моя, такого я еще не видела!

– Геня, вы слышите, кругом говно. Что вы смеетесь? Хорошенький смех! Говорят, в тридцать третьем двое уже утонули.

– По-моему, это из вашего люка. Вы всегда его плохо закрывали. Все свидетели, что вы плохо закрывали ваш люк. Нет? Я вас давно предупреждала.

– Через час мы все погибнем. Я знала, что так будет.

– Что вы валяете дурака? Какой люк? Просто в Беляевке лопнула водонапорная башня, и вся канализация пошла обратно. Только что мне сказала Дора.

– Только без паники. Я, на минуточку, позвонила куда надо. Уже принимаются меры. Мне сказали, что кал остановят. И до обеденного перерыва все будет очищено.

– Ну-ну. Вашими устами...

– А я вам говорю, что через полчаса говно будет здесь.

Я не мог больше оставаться дома. Я решил оббежать всех знакомых. Но дальше Павлова я не пошел. Многие там уже были. Игорьек встретил меня в кальсонах, умирая от смеха.

– Я так и знал, что ты придешь. А как же иначе? По-моему, через полчаса все будет здесь. Как это ни странно, но наш квартал пострадал меньше всего. Заходи. Юра уже тут.

Я вошел.

– Привет. Послушай, по-моему, страшно воняет. Ты не находишь?

– Фимочка, ты – прелесть! Ну конечно же, воняет. *Все* это находят.

– И уже давно.

– Нет, в самом деле. Черт знает что. Просто удивительно: кругом говно. Откуда?!

– Ты меня доконаешь. Я знал об этом еще вчера. Но не хотел говорить. Этого следовало ожидать. Неужели ты ничего не понимаешь?

– Откуда же ты знал? Брось, откуда ты мог знать?

– Милый мой, я знал об этом еще в десятом классе! Знал, что так будет. И почти не ошибся в сроках. А ноги, пожалуйста, вытри. Все-таки... нечистоты. Вот так. Теперь заходи. Все уже почти в сборе.

– Ребята, что же будет?

– Ничего не будет. Силами населения все образуется. И говнецо потечет обратно своим путем.

– Ну, знаешь... Это уж чересчур.

– Чудак. Шучу.

У окошка сидел, давясь от смеха, Юра.

– Юрочка, это же ужасно! Чему тут радоваться? Если на улице, извините, говно?

– Это как посмотреть. Тут мы многого не знаем. Это всё – сюрреализм. И все такое. По-моему, это остроумно. Давайте лучше писать пьесу. И сценарий. Одновременно. Про то, как все, как ни странно, остались живы. И умываются нефтью. Представляешь? И прочее.

Юрочка веселился.

Вошел Толя. Очки его запотели. Лицо было свежим, но озабоченным.

– Ребята, мне не до шуток. На углу я снял очки и понял, что это – настоящее говно. Как тебе это нравится? Мне – совсем нет. Это чья-то дурная шутка в чуждой мне манере. Но пока это пройдет, надо покушать. Я еще не завтракал. Дерьмо – это еще не причина, чтобы не кушать. По-моему.

– Ты прав. Самое время.

– А что? По дороге я купил колбасу. По твердой цене. Ты знаешь, она чайная. Я взял ее без очереди. Я взял ее, однако, с трудом. Но мне дали. Я сказал им, что я – спасатель-аквалангист. И показал удостоверение личности наладчика. Ну как? Сила. Меня на руках вынесли из магазина. Уже с колбасой. Ребята, надо покушать. Чему быть, тому не миновать. Не надо думать о том, о чем не надо думать.

Выйти нам было уже невозможно. Дерьмо прибывало, Павлов двор был запружен. Как писал поэт, «дом-хлебок сединой укрыло», «выпеченных щадев» было предостаточно. Кто-то предложил забраться на крышу. Это показалось нам интересным. Сверху мы увидели много любопытного...

На крышах было уже много народу. Друзья-художники сидели на деревьях. Зажав нос, выше всех сидел Нуревич и помутившими глазами смотрел на медленный поток, огибающий улицу. «Боже мой, боже мой! – роптал он. – Это топь. Цветное болото... Вонь... Ужас. Мы погибли. Рихтер был прав. Боже мой. Боже!» Потом его стошнило.

Внизу многие тонули. Но никто не кричал. Поразительная тишина стояла вокруг. И божий дух носился над водой...

На соседней ветке меланхолически сидел Миша.

– Мальчики, все это – фигня. Происшествие в стиле Рабле. Все это уже было, было. Ну хорошо, ну говно, ну нет говна. Какая разница? Конечно, смердит. Но ведь всегда смердело. Все это скоро пройдет. А дальше что?

На нижнем сучке нервно смеялся Валик.

– Вот не вовремя... Мне надо плакетки сдать, а тут какая-то фигня, наводнение. В жизни столько говна не видал! Я представляю себе, какая в фонде суматоха – там с утра совещание, а все слиняли на деревья. Обхохочешься!

На верхушке тополя веселился Люсик, обзревая застрявших.

– Бенемунес, мальчики, этот идиёт на соседской ветке меня морочит: откуда ты взял, что Дофиновка тоже в дерьме?! Ты хочешь меня лишить иллюзий, да? Ты – мудака. Я вижу отсюда больше и дальше, и мне Дофиновка открывается сверху чистой, как слеза. Вся в утреннем тумане и дымке. А какие там сейчас помидоры? Хочешь посмотреть? Лезь ко мне. Тут воздуха махай! Слушай, тут

просто санаторий. Мальчики, ни у кого не найдется бутылочки боржоми? Она была бы очень кстати. Нет? Ну нет, так нет. Посидим – увидим. Плюньте на это дерьмо и поднимитесь ко мне. Тут просто фламандские виды!.. И потом, тут девочки в соседнем окне. Просто сильфиды!

На крыше у самого бордюра стоял, расставя руки, Петя Рэй и тихо хихикал.

– О, вы тоже тут. Это так интересно. Все в сборе. А я измазался. И теперь никто не поймет, какого я цвета. Ой, я умру от смеха. Аркаша опять надел свои любимые туфли. Я тут уже давно стою. Мне интересно! Смотрю на то, как вы боитесь. Я приглашаю вас помолиться. Мы никогда так в жизни не воняли. Самое время молиться. Вы все отсталые люди. Не понимаете... Или лучше давайте читать стихи. За плату! Представляете? Я читаю, а вы мне платите по рублю за стих.

«Что это за штывп там размахивает руками?» – подумал Дюльфик и крикнул:

– Послушайте, вы случайно не ударник из ансамбля Дворца студентов «Молодые голоса»? Это не вас я видел вчера загорать на Большом Фонтане? Прыгайте сюда, у меня для вас есть одно сухое место! За один анекдот из загробной жизни. Ну что же вы размышляете?

– Да-а... А дерьмо все прибывает, – заметил Павлов. – Надо готовиться к худшему. По радио еще утром сообщили, что начали работать все насосы города и области. Что же это – опять обман?! По-моему, человечество вырождается на глазах. Надо же спасать людей! Хотя... надо ли? Все-таки надо. Посмотри, кто это плывет. Очень знакомые контуры. Это же Хайм! Вот растяпа, не мог забраться чуть повыше. Дурак!

Игорь прицелился и тут же бросился вниз. Раздался нехороший шлепок.

Энергично разгребая дерьмо, Игорек приближался к тонущему. Хаим размазывал цветные слезы, всхлипывал и шептал: «Зачем, зачем ты это сделал? Все равно... все равно...». Игорь нырнул и подплыл еще ближе. Стиснув зубы, он думал: «Надо же спасти этого идиотика. Вечно он меня находит. Вечно он держит меня в напряжении. Вечно я за него в ответе», – и с трудом вытащил Хайма на ближний сук.

Мимо в самодельной гондоле проплыл Гирш. «О! Гриша! Куда же ты?» – спросил с ветки Миша. «Извини, Миша, – на работу! – крикнул Гирш и поплыл дальше. – Звони».

Между тем время шло. Как видно, насосы все-таки не работали. Спускаться было рано. А спуститься хотелось.

– Как видишь, Фимочка, все мы сидим глубоко в дерьме, – сказал Лангер. – Я не удивляюсь, я просто констатирую. К этому следует отнестись философски. Перспектива сдохнуть именно в дерьме, по-моему, очень явно вырисовывается. Говоря шахматным языком Хосе Рауля Капабланки, все мы в глубоком цейтноте. И все же я не отчаиваюсь. Все можно поправить. Как ты думаешь, нас не могут спасти с воздуха? Подобные случаи уже бывали в мировой практике. Не будем отчаиваться. Хотя случившееся оставит неизгладимый, я бы сказал, несмываемый след в нашей памяти. Во всяком случае, скумбрии в Одессе еще долго не будет. Лет семьдесят. По моим скромным подсчетам, увы, в прибрежных водах слишком много дерьма. Я правильно развиваю свою мысль? Я доходчиво объясняю? Но я еще не кончил. Я квалифицирую случившееся как ненастье. И всех нас это должно, по-моему, объединить. Извини, если я тебя задержал.

– Ну что ты, Саша, ты меня не задержал.

– Все-таки нельзя так много болтать в таком положении.

– Почему? – искренне удивился Люсик. – Послушай, а где наш маленький ингермончик Аркадий? Погиб одним из первых? Нет? Тогда я за него рад. Клянусь честью. Он мне симпатичен. Ты посмотри, что делается, а? Идет большая стирка. Мне надоела эта высота. И потом, мне пора в мастерскую. Дульфан не может так долго бездельничать. Какой-то кошмар! Что они себе думают? Я не Христос, чтобы идти пешком по водам. Я пожалуюсь. Другие как хотят. Ты посмотри, какие девушки тонут ни за что и без любви! Какой шарман! Надо им протянуть руку. Обратите внимание на этого коца – ему мало окружающего дерьма, он еще нырнул в люк! Представляю, какой он там ловит кайф! Нет, что делается? Лучшие люди гибнут. Аристократы пера и кисти. Но вот этому, справа, – ты видишь? – с таким идьётским выражением лица – ему я руки не подам. И не потому, что он должен мне 3 рубля

и год не отдает. Я не мелочный. Но только потому, что он – коц. А та фондовская падла пусть тонет. Это будет только справедливо. Меньше вони...

На ветках шли разговорчики.

– Ты посмотри, какие цвета! Какой цвет! Какая абстракция! Миро и Моранди тут делать нечего. Какие пласты цвета... Надо уметь абстрагироваться. Если ты художник, а не...

– А не дерьмо? Ты это хотел сказать?

– Вот именно. Нет, в самом деле – это надо рисовать тут же, не откладывая. Жаль кистей нет. Правда?

– Брось, брось! Все это – пижонство. В такой ситуации. Именно в такой ситуации! Нет, ты посмотри – это же Фальк, Раушенберг! Дульфан, наконец! Сколько алого и коричневого. А предметность... Просто здорово. А эти прожилки зеленого и желтого. Нет? Согласитесь, что я прав. И потом...

– Берегись! – крикнул Гаус и сделал резкий вираж в сторону: подмытый дерьмом старенький домик на Чижикова стал медленно оседать и грозил завалить перенаселенное дерево. Посыпались кирпичики. К счастью, никого не задело.

– Вот это уже нехорошо! – произнес Миша и протянул Шуревичу руку помощи.

Но Шуня слезть отказался. Он надежно привязал себя ремнем к верхушке и повис в пространстве.

– Дело твое, – молвил Миша. – Но я советую. Если есть шанс. Хотя не вижу разницы.

«Вот пугливый народ», – подумал Хрущик и прочно закрепился на сучке.

Время перевалило за полдень. Ясное одесское небо слегка посурило. Над Привозом показались тучки. Неожиданно пошел дождь. На деревьях возникло движение.

– Я говорил, что все правильно. Наконец мы очистимся, – сказал Петя и подставил под дождик рыжую спутанную бороду.

С суперфосфатного завода несся живительный запах серы. Вспыхнула молния. Над Бугаевкой глухо заворчал гром. Дождь припустил сильнее.

– Это класс, ребята! – крикнул Толик, заплясал по крыше и стал бурно умываться под дождем. – Этот дождь мне на пользу.

Витя хладнокровно смотрел на улицу из чердачного окна и задумчиво курил «Беломор». Внизу по пояс в дерьме уже час стоял Витя Павлов, отрешенный от всех, и сосредоточенно что-то писал на картоне. Диким вдохновением горели глаза. Он работал. С завистью смотрели мы на него.

– Бенемунес, мальчишки. Я весь промок... – пожаловался Дульффик. – Но я не из тех, кто смиряется. Девочка, вас случайно не Соня зовут? Дайте вашу руку...

И через мгновение он исчез в проеме окна.

Высоко над городом, на церковном куполе Преображенского собора, держась могучей рукой за крест, стоял Сыч. Дождь не щадил его. С ужасом глядя вниз на тонущий город, отдавая ветру и ливню седую голову, королем Лиром казался он. «Как жить? Как теперь жить?» – вопрошал он, и слезы текли по его лицу. И вода текла по голой татарской спине (свитер он отдал кому-то из пострадавших).

– Ты видишь, что делается! Оно снова пришло в движение. По-моему, это конец. Хотя это и несправедливо. А может быть, это – возмездие? – говорил Павлов, и пугающая правда была в его словах.

– Но за что?! За что возмездие?

– Как! Ты еще спрашиваешь, за что? Тогда ты достоин этой участи. Как, впрочем, и все мы. Все! (Все виновато молчали.) Но с другой стороны, было бы обидно не досмотреть все до конца. Другого случая может не представиться. Закурить есть?

Нас было семеро под ветхой чердачной крышей ковчега, заливаемого водой и дерьмом, и случившееся еще больше сплотило нас. Всех нас объединила эта сочная, богатая витаминами *среда*. Все мы сидели в теплой, позолоченной лучами заката медленно убывающей жиге и ждали конца потопа. Где-то далеко за линией крыш в закатной воде грозно накренился оперный. Часть центра провалилась в преисподнюю катакомб.

Толя Морозов оживленно комментировал события:

– Вы понимаете, ребята, тут не просто поломка или нехватка труб – тут перст Божий! Большевики потеряли чувство меры. Вы понимаете? Давно надо было отказаться и уйти. Так нет же! Такого не было со времен Римской империи, со времен Тиберия

и Нерона, понимаете? Когда весь Рим чуть не захлебнулся, понимаете, в первобытном дерьме. Сенат (это их обком партии) пожалел денег, несколько миллионов награбленных сестерций, для ремонта акведуков – и в результате вся канализация Рима была парализована. Вы понимаете, какая подлость? Они поступили, точно как поступили бы наши: нет денег – и всё. Пусть все летит... Пусть пол-Рима накроется, лишь бы их виноградники на холмах были в порядке. Точно как наши. Только у древних были хоть какие-то понятия о морали, совести. Корнелий Сулла, правда, сильно испугался, когда стал тонуть его дворец, но несколько сот рабов и солдат на руках вынесли его семью, добро и рухлядь из пламени и потопленной провинции. Наводнение тогда было не из слабых. И водопровод, сработанный еще рабами Рима, работал исправно. Не чета нашему. Кстати, он спас себя тем, что объявил войну соседней Испании и отвлек народ от вонючки и налогов.

А подводная лодка на Дерибасовской? Так это тоже на случай полной катастрофы. Чтобы можно было удрать, как в ковчеге. Задраить люки и сквозь свежее дерьмо уйти (без нас) в Средиземное море. Подонки!.. Извините, если я громко говорю. Но я слегка оглох после Ватерлоо. Вы понимаете, пушки так палили, что Бонапарт затыкал себе уши вытными тампонами. Генералы просто диву давались, как это так глубоко в расположение войск проник штатский. Да еще еврей.

– Толя, опомнись, что ты говоришь?..

– И все-таки еще не все потеряно, – бормотал я. – Вот увидите. Все как-то выправится.

Павлов выразительно посмотрел на меня.

– По-моему, ты на что-то еще надеешься, на что-то уповаешь без всяких на то оснований.

– Вообще-то, ребята, давно пора умереть, – сказал Юра, который все это время молчал. – Я вам удивляюсь. Надо умирать, а вы не хотите. Смешно.

– Заткнись, Юрочка. У тебя давно была такая возможность. Но ты ею не воспользовался. Почему-то.

– Это все неинтересно. Вот если бы стреляли, и у всех нас были бы красные банты, тогда другое дело. А так – скучно. Не остроумно.

– Болтун ты, как я посмотрю. Ну ладно. Кажется, дождь-то кончился?

Мы выглянули. Дождь действительно пошел на убыль. Потом вдруг перестал.

На деревьях никого не было. Странно...

– Странно, правда? Куда все подевались?

– Ничего странного. Дождь кончился, и все уже давно в баре.

– В баре?! Ну, знаешь... А дерьмо?

– А что дерьмо? Именно к дерьму-то и легче всего привыкают. Очень даже естественно. Кончился дождь, и *это* надо было отметить.

– По-моему, все правильно. Пора выходить.

– Интересно, что сейчас все делают? – назидательно сказал кто-то.

– Хочешь, расскажу? Хрущик в бар не пошел. Дома, наверное, что-то строгают. Вика вообще не выходила из комнаты. Она уже давно никуда не выходит. Стоит, наверное, у окна, горбится, иступленно курит и говорит кому-то: «Ты знаешь, я просто ожила от всего случившегося. Нарушено, наконец, однообразие жизни. На меня хлынули воспоминания детства. И теснятся стихи. Я давно себя так хорошо не чувствовала».

Хрущик ищет что-то и злится. «Любят, падла, чужое и хорошее!» Потом находит фломастер. Оказывается, он лежал в ботинке.

– Брось, все ты выдумываешь. Но это интересно, – сказал Павлов.

– Наоборот. Это неинтересно.

Вечерело.

– Все достается людям... – задумчиво молвил Игорек. – Странно, что многие живы. Я рассчитывал на другое...

– А что делает Гриша? Представь себе, что он сейчас делает.

– Очень даже просто. Гриша уже дома. Брезгливо разделся и принимает ванну. Читает Рильке. Сочиняет Шурику письмо. «А у нас тут был великий рухл...» – напишет, наверное, он. Потом расскажет ему о дуальной экзогамме, имплицитно выражающей пафос превращения хаоса в космос. Что-то в этом духе. Потом выпьет рюмашечку и позвонит Мише... И рано ляжет спать.

– Да-а... Красиво. Однако пора идти. Пора спускаться.

Город отряхивался от воды, полной грудью вдыхал облагороженный ливнем сложный запах.

Надо написать Матизену в Новосибирск, он должен это оценить. Наверное, скажет, что все это живо написано и напомнило его счастливые годы в Махачкале...

Город уже зажигал свои фонари. Прохожих было мало. Трамваи не шли.

...Вспомнилось нам также незабвенное холерное лето, когда о дерьме только и говорили, и думали. Мы тихо приходили друг к другу в гости и долго молчали, искупая грех многоговения. Зашел как-то к Шурику, был там, по обыкновению, и Гирш. Собирались обедать. Тщательно мыли руки, кипятили мыло, посуду. Подали борщ. Я мучительно отказывался. «Напрасно, Фима, – сказал Шурик. – Может быть, это последний борщ в твоей жизни». «Шурочка, нельзя так шутить», – укоризненно молвил Гриша, но от борща не отказался. Жизнь продолжалась...

Лето было в разгаре...

Публикация Татьяны Ярошевской

